

**«Югославская Атлантида» в балканской
и центральноевропейской оптике Драгана Великича**

Поляков Дмитрий Кириллович
Кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: vbnz2005@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5220-2841

Цитирование:

Поляков Д. К. «Югославская Атлантида» в балканской и центральноевропейской оптике Драгана Великича // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 266–283. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.14

Финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 22-18-00365, <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>.

Статья поступила в редакцию 11.06.2024.

Рецензирование завершено 18.06.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

В статье предлагается анализ книги эссе сербского писателя Драгана Великича «Югославская Атлантида», вышедшей в 1993 г. и фиксирующей распад Югославии и постепенное прекращение существования общегославского культурного пространства. Критикуя сербских и хорватских националистов, Великич последовательно отвергает поляризацию пространства и заявляет о нефункциональности многих сложившихся оппозиций (сербский / хорватский, Византия / Рим, большевизм / фашизм) в отношении к нему. Великич в своей книге обращается к образам моста и пути, ключевым для балканской модели мира. Противопоставляются два моста – на Дрине (И. Андрич) и на Неретве (разрушение этого моста армией Тито в 1943 г. было одним из ключевых событий коммунистического мифа). Великич в применении к Югославии использует коммуникативные средства и мотивы, характерные для хорошо ему известного дискурса о Центральной Европе (М. Кундера, Ч. Милош,

Д. Киш и др.), продолжая и развивая его. По Великичу, главная ценность Югославии – в совместном культурном творчестве населяющих ее народов. В этом же видели аксиологическую значимость Центральной Европы и участники дискуссий о ней в 1980-е гг.

Ключевые слова

Югославия, постъюгославский дискурс, дискурс о Центральной Европе, Балканы, Драган Великич.

«Югославская Атлантида» – расхожая ныне метафора, уподобляющая распавшуюся страну острову-государству, ушедшему под воду, но сохранившемуся в культурной памяти и продолжающему порождать мифы. Югославия, как и Атлантида, мифогенна: так, например, важным культурным и социальным явлением последних десятилетий стала «югоностальгия»¹ или «новый югославизм»², а общее пространство югославянских наций продолжает активно осмысляться гуманитариями³.

Традиция такого метафоризирования, набравшая силу в последние два десятилетия⁴, зародилась раньше: уже в 1994 г. Дубравка Угрешич написала: «Целая страна свелась к энциклопедической статье и, подобно Атлантиде, перешла в Словарь воображаемых мест»⁵. Через год в Оксфорде вышла документальная книга «Дети Атлантиды: Голоса из бывшей Югославии»⁶, а далее это и вовсе стало

1 См.: *Bošković A. Yugonostalgia and Yugoslav Cultural Memory: Lexicon of Yu Mythology // Slavic Review. 2013. No 1. P. 54–78; Ślawska M. Proza autobiograficzna pokolenia jugonostalgików. Wrocław, 2013, и мн. др.*

2 *Velikonja M. ROCK'N'RETRO. Novi jugoslavizam u savremenoj slovenačkoj popularnoj muzici // Nebeska Jugoslavija. Interakcije političkih mitologija i pop-kulture / ur. V. Perica, M. Velikonja. Beograd, 2012. S. 67–171.*

3 Ср.: *After Yugoslavia. The Cultural Spaces of a Vanished Land / ed. by R. Gorup. Stanford, 2013, и др.*

4 Ср.: *Debeljak A. Balkanska brv: eseji o književnosti jugoslovanske Atlantide. Ljubljana, 2010; Старикова Н. Н. Фантомная боль «ампутированной» страны – югославское социокультурное пространство в произведениях современных словенских авторов // Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 353–366.*

5 *Ugresic D. Have a Nice Day: From the Balkan War to the American Dream. London, 1994.*

6 *Children of Atlantis: Voices from the Former Yugoslavia / ed. by Z. Lesic. Oxford, 1995.*

совершенно массовым явлением. Между тем еще раньше уподобил Югославию Атлантиде сербский писатель Драган Великич, выпустивший в 1993 г. книгу эссе «Yu-тлантида»⁷.

Великич хорошо известен в Сербии и за ее пределами прежде всего как автор романов. Многие из них были удостоены литературных премий и переведены на иностранные языки. Еще его справедливо считают «географическим» писателем: пространство в текстах Великича является не столько кулисой, сколько одним из действующих лиц, будь то Средиземноморье, Югославия, Центральная Европа или городские локусы в их рамках: Пула, Белград, Триест. Его эссеистика, однако, заслуживает не меньшего внимания: именно в этих текстах⁸ выражен ряд важнейших «географических» идей писателя. Этнический серб, Великич родился в Белграде, но детство и юность провел в хорватской Пуле. Взросление одновременно в двух культурах повлияло на мировоззрение писателя, обусловило его самоидентификацию и определило отношение к Югославии и способы ее «ментального картографирования».

Великич наблюдал и описывал «погружение под воду» буквально в реальном времени: после публикаций отдельных текстов в периодике уже в 1992 г. под названием *Youtlantide* выходит французское издание книги⁹, заголовок сборника на сербском – *Yu-tlantida* – повторяет сравнение. Не менее показательной является и метафора разлома – очевидно, исторического и культурного: первое эссе носит название «Голос из разлома» (*Glas iz pukotine*), под ним была опубликована и вся книга в немецком и словенском переводах¹⁰. Проблема драматического перехода в новое состояние, осознававшаяся югославскими авторами еще в 1980-е¹¹, обрела особый трагизм

7 *Velikić D. Yu-tlantida*. Beograd, 1993. При дальнейшем цитировании номера страниц этого издания приводятся в круглых скобках. Перевод на русский язык сделан автором статьи.

8 Помимо «Yu-тлантиды», к ним относится, например, сборник «О писателях и городах»: *Velikić D. O piscima i gradovima*. Novi Sad, 2010.

9 *Velikić D. Youtlantide / traduit par M. Robin*. Rennes, 1992.

10 *Velikić D. Stimme aus der Erdspalte*. Klagenfurt; Salzburg, 1992; *Velikić D. Glas iz razpoke / prevedel B. A. Novak*. Celovec, 1992.

11 Ср. книгу П. Матвеевича «Югославянство сегодня: вопросы культуры» (*Matvejević P. Jugoslavenstvo danas. Pitanja kulture*. Zagreb, 1982; Beograd, 1984). Среди художественных произведений, для которых характерна семантика граничности и перехода, интересен,

с началом распада федерации в 1991 г. Соответственно драматическим законам времени, Югославия в тексте регулярно описывается с использованием всех возможных метафор ухода, растворения, невидимости: она «пребывает во тьме», когда на небе ни звезды (5), это «исчезающая» (5), «умирающая» (29) и даже уже «не существующая» (33) страна. Кровавая трагедия распада («паводок, затопляющий нас сегодня, – красного цвета» (41)), делает из нее «европейский Ливан или, точнее, Дантов Ад» (31).

Тексты Великича, собранные в книге, выходили в периодике с лета 1991 по осень 1992 гг., в наиболее кризисный и трагический период современной югославской истории: распад федерации, начало войн в Хорватии и Боснии. Издательская аннотация характеризует их как «политические эссе» (109), при этом за «моментальным» снимком трагического перехода страны и культуры от одного состояния к другому – со страстной критикой примитивизации и невероятного обострения оппозиции свой / чужой – есть и вневременной подтекст, мотивы, характерные для писателя как для представителя литературы и культуры Югославии – и при этом как для центральноевропейца¹². Эти мотивы появятся и в его художественных текстах, и в дальнейших эссе.

Размышления писателя о том, что представляет собой югославская Атлантида, перемежаются в текстах воспоминаниями из близкого и далекого прошлого и фактами непосредственно наблюдаемого настоящего, среди которых наступление холодной и голодной зимы в Белграде, шум армейских вертолетов, доставляющих раненых

например, роман Д. Угрешич «Форсирование романа-реки» (1986), см. об этом: Злыднева Н. В. Вброд через реку перемен: категория *границы* в романе Дубравки Угрешич // Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 363–382.

12 «Для меня Центральная Европа – регион, откуда родом большинство писателей, являющихся моими литературными предками, от Кафки, Звево, Йозефа Рота, Канетти, Броха и Музиля до Костолани, Кусьневича, Киша и Тишмы», – скажет позже писатель (*Ognjenović V. Dragan Velikić: Davo sujete vreba na svakom koraku // Vijesti. 2013. 12.01. URL: <https://www.vijesti.me/zabava/291536/dragan-velikic-davo-sujete-vreba-na-svakom-koraku>*). О Великиче как о центральноевропейском авторе см.: *Rosić T. Koncept Srednje Evrope u savremenom srpskom romanu i politika novih kulturnih identiteta // Слика другог у балканским и средњоевропским књижевностима / ур. М. Матицки. Београд, 2006. С. 377, 383, Zorić V. Discordia Concors: Central Europe in Post-Yugoslav Discourses // After Yugoslavia... P. 93.*

в столичные больницы, отъезд писателя в Австрию и др. Воспоминания, наблюдения, пересказ исторических анекдотов и соотнесение их с новой реальностью служат средством хоть как-то понять происходящее: «Сидя в “Ателье EuropaHaus” и слушая новости международного радио из Вены, я вижу новую рябь на только что успокоившемся фронте в Хорватии. И в Боснии беспокойно, и в любую минуту может начаться война. Я часто спрашиваю себя – что за безумная страсть ведет народы Югославии к тому, чтобы в конце двадцатого века гибнуть из-за невидимых границ?» (65).

Законы жанра обязывают высказать собственную политическую позицию. Едва ли не в каждом из текстов «Ю-тлантиды» мы обнаруживаем довольно презрительную критику не только современных властей и их политики, но и всего послевоенного устройства Югославии – «скучного коммунистического создания» (38) с «десятилетиями ложного братства и единства» (41): «к сожалению, идею Югославии, возможно, навсегда присвоили себе коммунисты, давно умирающие в своих наследниках-клонах» (10). Именно коммунистический режим, по мнению автора, привел к трагическому исходу, и все сегодняшние враги – лишь «разные модели коммунистической эволюции» (28).

Бескомпромиссность и публицистическая страстность наполняют эссе Великича насыщенными контрастами. Сама ситуация того времени, в одночасье расчертившая реальность на простейшие бинарные оппозиции, заставляет писателя отвергать их: настоящий художник «никогда не согласится на черно-белый мир» (9), где поиск правды сводится к «демонизации другой стороны» (13); сам Великич не был коммунистом, следовательно, сейчас «не имеет невротической потребности заявлять, что он антикоммунист» (9). Автор не раз предлагает читателю будто бы очевидную оппозицию, чтобы затем развенчать, опровергнуть ее (хорватский северо-запад / «большевистский» сербский восток; Рим / Византия; Рейх / союзники). Он принимает точку зрения то хорватских, то сербских «патриотов», чтобы доказать соблазнительность – но и ущербность обеих. Все национальные стереотипы ведут к пагубным упрощениям: хорваты считают Сербию «Византией», выдавая этим свое «полное незнание византийской культуры» (6), сербы же видят в хорватах «заговор Ватикана, четвертого Рейха» (6), напоминая себе и миру, что сами они в обеих войнах были на стороне союзников. По Великичу, религия «трагически разделила» мир сербов и хорватов, «истончила им нервы и определила путь – одним в хорватское, а другим в сербское море. И они [...]

каждые полвека доказывают свое происхождение, свою веру, легко хватаясь за оружие, и вместо стремления к свету поворачивают назад, во тьму» (6–7).

Самые очевидные противопоставления оказываются для Великича ложными: так, многократно подчеркивается принадлежность сербских «социалистов» и хорватских «демократов» к одной формации (27): «Военный марш, который сегодня звучит в Боснии, вместе сочинили Милошевич и Туджман, две половины одной души, и уже два года играют его на одном рояле в четыре руки» (79). Эта формация берет начало в титовской Югославии и навязываемом ею коллективизме; «они и дальше вместо личного местоимения Я используют МЫ. Разве это МЫ недостаточно говорит о картине мира, который они хотят создать?» (26).

Противясь сербско-хорватской поляризации, Великич выстраивает и собственные оппозиции. Через весь сборник проведено противопоставление «нормального» и «примитивного» – большинства, оказавшегося во власти первобытных инстинктов ненависти к Другому. «Нормальные» не раз сравниваются с *сектой*: их становится все меньше, они вынуждены покидать страну, и так – как сумасшедших – их воспринимает большинство (9, 82–83 и др.); «сейчас быть нормальным – чистый эксгибиционизм, а появление в общественной жизни умного человека – оскорбительный диссонанс» (68). Примитивное – сила стихийная: в Сербии «орды примитивов», да и в мире снова начали действовать «вулканы примитивизма» (6).

Причисляя и себя к «секте нормальных», Великич показывает несостоятельность тогдашнего политического дискурса, замешанного на националистических ценностях. Он борется с их нормализацией, активно травестируя политический лексикон. Как здравомыслящие превращаются в «секту», «предателями» видятся патриоты, и наоборот. «Эта война в Югославии показала, насколько бессмысленны ярлыки *предатель* и *патриот*» (47), при этом именно «патриоты» заняты уничтожением общегославских ценностей (тут Великич упоминает о группе боснийских мусульман, разрушивших памятник Иво Андричу в Вишеграде), и «только “предатели” могут спасти эти земли, и именно их должна поддерживать Европа, если хочет остановить насилие в Югославии» (32).

«Ю-глантида» не исчерпывается публицистическим пафосом. Писатель заявляет: «Строки, которые я пишу, – всего лишь попытка провести инвентаризацию территории, которая на протяжении десятилетий носила одно название: Югославия» (37). Эта инвентаризация

проводится в свободной форме, а ментальная карта пространства возникает не из карты географической. Постоянно упоминая драматическое хорватско-сербское противостояние, Великич лишь вскользь говорит о Словении, «никогда не бывшей камнем преткновения» (30), а, например, Македония и вовсе возникает лишь в «этикеточных» характеристиках пространства типа «от Словении до Македонии» (11), «от Скопье до Марибора» (38) или «от Любляны до Приштины *via* Загреб и Белград» (26). С другой стороны, важными компонентами пространства являются и ключевые городские локусы типа Белграда – «особой галактики» (14, 21, 27), Загреба, известного писателю «благодаря литературе» (33), или родной Пулы с наследием разных культур. Ту же – важную для воображаемого пространства – роль играют и более частные локусы, как Бемова улица в Нови-Саде (место действия романов Данило Киша, на которого Великич не раз ссылается), белградский отель «Югославия» или собственный архив, который необходимо разобрать.

Уходящая в прошлое Югославия в интерпретации Великича образована не только географическими объектами, но и ключевыми событиями социалистического мифа наподобие победы армии Тито в битве у реки Неретвы или ухода хорватского поэта Владимира Назора в партизаны. Интересно, что именно в эссе, посвященных этим двум событиям, проявляются *балканские* черты в мотивной структуре «Yu-тлантиды». Упомянутые события оборачиваются символическими пространствами: в битве у Неретвы ключевую роль играет *мост*, а в партизанской инициации Назора – *река*. Оба эти пространства ярко характеризуют балканскую модель мира¹³, и неслучайно, что мы видим их в текстах Великича.

И мост, и река возникают в «Yu-тлантиде» на метауровне: Великич приходит к ним через прецедентные для югославянских литератур художественные тексты – «Мост на Дрине» И. Андрича и «Лодку на Купе» В. Назора. «Мотив моста неслучаен в начале этого текста, поскольку судьба умирающей сегодня Югославии в значительной части связана с другим, почти мифическим мостом» (29). Победа у Неретвы, когда партизанская армия Тито практически небывалым образом выиграла сражение, разрушив мост на реке и перебравшись на нужный берег по его развалинам, была превращена официальной

---

13 См. о ней работы Т. В. Цивьян, например: *Цивьян Т. В.* Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М., 1999. С. 7–24.

пропагандой в культовое событие. У Великича же взорванный мост на Неретве противопоставлен мосту на Дрине, иллюстрирующему «смысл человеческого существования – связь берегов» (29). «Разрушение моста – переход к хаосу, к превращению мира-дома в пустыню и одновременно – смерть человека, который не может перенести разрушение своего дома»¹⁴, и участь титовской Югославии, начавшейся именно с *мифа о разрушении моста*, таким образом, была предрешена. Вновь травестируя официальный дискурс, Великич пишет: «“предатели” строят мосты Андрича, а “патриоты” – мосты на Неретве» (32), т. е. современные продолжатели большевистских практик продолжают рушить мосты, а ргіогі наделенные коммуникативной функцией¹⁵ – связи, посредничества между людьми и цивилизациями.

Аналогично в «Лодке на Купе» важна не судьба Назора, но «эта маленькая, ветхая лодка, уводящая в неизвестное, к другому берегу, того, кто учуял выигрышную комбинацию. Эта лодка и сегодня плывет по Купе, Дрине и, о Боже, по Мораве» (67). Река здесь – и путь, и *рубеж*, за которым нет возврата, который в любую минуту может обернуться другой рекой, равномерное плескание вод которой вдруг слышится автору: это Харон «перевозит небесный народ через подземную реку в загробный мир» (70). Финал стихотворения Назора с просьбой «Перенеси всю Хорватию / на ту сторону воды» спустя полвека, когда «сербский Спаситель решил переместить народ» (70), обретает иное звучание...

Важным в тексте становится и сам *путь*. Его локальные участки могут пророчить большие события: так, отмена фирменного поезда Белград – Загреб «стала дурным знаком» (33) наступающей войны. Именно путь символизирует возможную смену точки зрения (отъезд писателя в Клагенфурт). Он же обуславливает невозможность отождествить себя с «сербами» или с «хорватами»: его проходит сам автор, перемещаясь из Белграда в Пулу и обратно, и взросление в двух культурах есть также часть пути.

Последовательно – раз за разом даже в пределах короткого текста – писатель обращается к фактам собственной биографии, которые и создают ментальную Югославию. Это обращение осуществляется, например, через объекты, метафоризирующие те или иные качества

---

¹⁴ Цивьян Т. В. Движение и путь... С. 37. Цит. по: Злыднева Н. В. Вброд через реку перемен... С. 379.

¹⁵ Злыднева Н. В. Вброд через реку перемен... С. 377.

пространства. Так, толерантности и пониманию других культур учат имена на кладбище Монте Гиро в Пуле, которые носили представители разных народов, покоящиеся ныне рядом (13): там были «австрийские, итальянские, славянские, еврейские, голландские, немецкие, датские, французские, венгерские» фамилии (12). Границей Средиземноморья внутри воображаемой Югославии для Великича служит его собственная кладовка, в которой хранится «десяток бутылок истарской мальвазии и несколько банок маслин» (24). Все *настоящие* границы, таким образом, формируются *внутри*, и связи между территориями в собственном сознании никогда не разрушатся, как в конечном счете невозможно разрушить духовный мост, созданный Андричем (32).

Соответственно, понимание Югославии как пространства мультикультурности Великич связывает с собственным взрослением и формированием, с окружавшей его географией, ибо «детство – единственная родина художника» (18). *Ментальная Югославия* есть великий СИНТЕЗ (78–80) [выделение прописными. – Д. П.], ее символизируют и мост на Дрине, и сам Иво Андрич, «по происхождению хорват, выраставший в Боснии, а литературным наследием склоняющийся к сербскому наследию» (82), и кладбище Монте Гиро.

Ю-тлантида Великича – многослойный, амбивалентный феномен. «Внутренняя» Югославия, порожденная собственными привычками, семьей, внутренними миграциями, укоренением на новом месте, географическим окружением, «роскошная палитра разных культур» (10), в сознании и дальше останется неразделенной, в ней «нет таможенников и пограничников, патриотов и шпионов» (37). Она противопоставлена Югославии «внешней», коммунистической, функционерской, устроенной «против логики здравого разума» (29), той, которая и породила вулканы примитивизма, впоследствии разрушившие ее.

Примечательно обращение Великича к теме Центральной Европы. Он закономерно использует довольно очевидное сравнение с ней Югославии – как многонационального пространства, уходящего в прошлое, называя и Центральную Европу «подводным царством» (42). При этом два пространства уподоблены друг другу еще и аксиологически. У Югославии по Великичу тот же смысл существования и та же миссия, что и у Центральной Европы по Кундере. Для Кундеры именно культурное творчество есть единственная возможность существования малых народов, которым без того грозит исчезновение, а Центральная Европа сама по себе и есть

культура¹⁶. Великич же, горюя о распадающейся стране, опасается возникновения «маленьких крепостей рассорившихся народов, которые вместо культуры производят третьеразрядные сувениры» (27). Уничтожить народ можно именно уничтожением «памяти и культуры» (68). Как Кундера видел в Центральной Европе бастион мультикультурализма и толерантности (порой игнорируя реальное положение вещей), так и Великич именно разнообразие культур считает «самой большой ценностью, какую югославянские народы могли возложить на алтарь европейской цивилизации» (29).

Интересно, что уподобление этих пространств выходит в коммуникативную и модальную область. Великич наследует основным творцам дискурса о Центральной Европе 1980-х гг., как бы находясь в одном коммуникативно-текстовом пространстве с ними, продолжая его, обращаясь к одним тем же прецедентным именам (например, Бруно Шульц, Кафка, Музиль, Гомбрович), цитируя своих старших современников (Киш, Милош) или апеллируя к ним (Кундера)¹⁷.

Великич прозорливо видит в дискурсе о Югославии возможность превращения в ностальгический. В этом уже заложена потенциальная модальная схожесть с центральноевропейскими построениями, которые возникают в его тексте (ностальгия была ключевым атрибутом дискурса о Центральной Европе в 1980-е): «...лет через десять, наверное, расскажу сыну, что когда-то можно было поехать из Скопье в Марибор без паспорта. Поэтому я просто повторяю фразу ностальгирующих центральноевропейцев, мечтавших о временах, когда из Кракова в Триест можно было поехать без паспорта [...]. Сравнение Югославии с Австро-Венгрией не кажется неуместным. Даже после

---

¹⁶ Поляков Д. К. Центральная Европа как миф и модель в текстах Чеслава Милоша, Милана Кундеры и Данило Киша // Славяноведение. 2023. № 4. С. 102–103.

¹⁷ Прямые цитаты из текстов Кундера отсутствуют, однако любопытный параллелизм между писателями, помимо уже упомянутых ценностей толерантности и уподобления пространства культуре, – еще и в неприятии *китча*. Китч для Кундера есть экзистенциальная категория (см.: Шерлаимова С. А. Милан Кундера и его романная философия. М., 2014. С. 123–124), для Великича это частный случай примитивизма, захватившего Югославию («Хорватский лидер за прошедшие год-два произвел столько китча, что это невозможно было бы вынести, если бы не началась война» (31)).

затопления она будет существовать как призрак, в атмосфере и воспоминаниях» (38)¹⁸. В другом месте Великич делился собственными ощущениями от такого призрачного существования «теней прошлого» в той же Пуле, где под надписью «Продукты» скрывались побледневшие, но различимые итальянские «Ristorante» или «Parrucchiere», и город был «полон этих “палимпсестов”»¹⁹.

Сама адресация текстов Великича во многом совпадает с адресацией основных текстов дискурса о Центральной Европе, возникшего на Западе, в эмигрантской среде центральноевропейцев (М. Кундера, Ч. Милош, Д. Киш и др.) и направленного прежде всего на Запад. Ключевое эссе Кундеры «Трагедия Центральной Европы» было впервые напечатано во французском журнале, вскоре появилось в переводе на английский – и именно тогда стало предметом бурных интеллектуальных дебатов, проходивших прежде всего в Западной Европе и США²⁰. Югославия здесь была исключением: в отличие от стран социалистического блока, где эти проблемы могли обсуждаться только подпольно, в ней они дискутировались открыто. В то же время она все равно стала воспринимавшей стороной, и югославский (в первую очередь словенский и хорватский) дискурс о Центральной Европе был *ре-активным*, отвечающим на готовые модели, заданные Кундерой. Книга же Великича предназначена одновременно двум кругам читателей: его заметки выходили в белградской прессе («Време», «Борба»), но одновременно и во «многих европейских газетах и журналах» (4). Соответственно, внешний адресат также присутствует, и типичная ситуация дискурса о Центральной Европе, когда автор «рассказывает западноевропейцам о “своей Европе”, географически и ментально далекой от них»²¹, воспроизводится и здесь. Более того, внешний адресат сборника даже опередил внутреннего: сербское издание «Уч-тлантиды» вышло уже после словенского, немецкого, французского и итальянского переводов.

---

18 Так и случится – ностальгические мотивы появятся в более поздних текстах писателя, в т. ч. в эссе «Граница, идентичность, литература» (2003). См. об этом: *V. Zorić. Discordia Concors...* P. 93.

19 *Pogovor z Draganom Velikićem / pogovarjal se je N. Grafenauer // Nova revija: mesečnik za kulturo. 1993. Št. 138. S. 1202.*

20 Перевод на чешский язык вышел только в 1985 г. и был также опубликован в эмигрантском журнале: *Kundera M. Únos Západu // 150 000 slov: Texty odjinud. 1985. Č. 10. S. 112–119.*

21 *Поляков Д. К. Центральная Европа как миф и модель... С. 95.*

Фигура автора в эссеистике Великича также имеет множество сходств с носителями дискурса о Центральной Европе. Это вновь интеллигент, книжник, находящийся в меньшинстве космополит. Превыше всего для него – культурное разнообразие; именно оно характеризовало Центральную Европу по Кундере и Кишу, оно же так восхищает в Югославии Великича, который заявляет: «черта, которую я больше всего ценю, – это толерантность, понимание других культур, обычаев и привычек» (13), «мне Югославия и не нужна в ином виде, чем великолепная палитра разных культур» (10) [выделение курсивом наше. – Д. П.]. Как и в центральноевропейце²², наднациональное в нем выше национального: он готов отождествить себя и с сербами, и с хорватами (6), но отказывается от этого, оставаясь космополитом и заявляя о национальной принадлежности как о стечении обстоятельств (18). Центральноевропейец из дискурса 1980-х не понят ни на родине, ни на Западе, югослав из «секты нормальных» также в меньшинстве и в оппозиции к «патриотам», противопоставляющим Сербию Хорватии, коммунистов усташам, Византию Риму, а баклаву – захер-торту. Создавая довольно неприглядный образ распадающейся страны, Великич занимается и самоописанием – каталогизирует собственные ценности в отталкивании от взявших верх примитивизма и упрощения.

Характерно для дискурса о Центральной Европе и соотнесение себя с Западом при трагическом осознании негативной роли последнего в судьбах родного пространства. По Кундере, Запад не заметил пропажи, похищения собственной части Востоком, т. е. Россией. Трагизм самой фигуры центральноевропейца – «в том, что для Запада – ближайшего союзника и родственника – он оказывается Другим»²³. Запад у Великича представлен невиновным в исторической драме Югославии, но – пассивным наблюдателем, зрителем, для которого эта страна – «видеоигра» или «странный фильм» (7). Он вроде бы «относился к жанру мелодрамы»,

---

22 Конечно, разные представители дискурса о Центральной Европе реализовывали это по-разному. Если для Кундере «чешское» выступало своего рода частным случаем «центральноевропейского», то, например, Киш видел параллели между «центральноевропейским» и «югославским», будучи сам из смешанной семьи, т. е. уже изначально находясь на наднациональном уровне. Схожее видим и у Великича, вобравшего в себя и сербский, и хорватский опыт.

23 Поляков Д. К. Центральная Европа как миф и модель... С. 99.

но вдруг превратился в «кошмар, “развлекающий” Европу и мир» (7). При этом зрители дистанцированы и могут «в любой момент погасить экран, на котором разыгрывается трагедия югославянских народов» (7–8), «публика многочисленна, совершенна и поверхностна, даже и когда искренне сочувствует протагонистам фильма “Югославия”» (7). Здесь, очевидно, писатель возвращается к старому восприятию ориентализирующего Запада, актуализируя мотивы отстраненности, непонимания, коммуникативного сбоя, которые мы видим в текстах о Центральной Европе²⁴: «Там, где они [западноевропейцы. – Д. П.] когда-то приятно проводили отпуск, бушует война. Поначалу равнодушные по отношению к враждующим сторонам, они часто принимают решения, руководствуясь воспоминаниями из отпуска. Иногда определяющим оказывается случайное знакомство в ресторане Мюнхена, Вены или Парижа. От национальной принадлежности гастарбайтера зависит, на чью сторону они встанут» (7). Великич видит Югославию Европой («В Югославии – ахиллесова пята Объединенной Европы», 80), при этом замечая, что она начинает быть для Запада Другим: «Берлинская стена разрушена, но материал, из которой она была построена, не уничтожен. Его перенесли в Югославию» (80)²⁵.

Итак, заявленная Великичем «инвентаризация» Югославии проводится не по географической, но по ментальной карте. На ней – ключевые для писателя локусы (родная Пула как «палимпсест», Белград – «особая галактика»), символические метафорические пространства (мост и река) и оппозиции (внутреннее / внешнее, интеллектуальное / примитивное и проч.). Важное средство репрезентации воображаемой карты Югославии – это и ее соотнесение с Европой, конструирование субъекта пространства (югослав-интеллектуал, т. е. сам писатель) и его атрибутов. «Үи-тлантида», таким образом, находится одновременно в поле нескольких дискурсов, важных для интеллектуальной дискуссии 1980-х – 1990-х гг. – центральноевропейского, представленного в эссеистике 1980-х гг., и югославянского / постъюгославского.

---

24 Там же. С. 99–100.

25 В последующих текстах Великич развивает этот мотив, уже начиная использовать наименование *Балканы*: очевидно, что Другим после распада Югославии стали именно они: *Velikić D. Granica, identitet, literatura // Sarajevske sveske. 2003. Br. 3. S. 65–73.*

За Югославией Великича – несколько феноменов: производящий – вопреки коммунистическому «ненастью» – культурные ценности и дающий образцы уникального сосуществования разных культур, и одновременно с этим – населенный инфантильными народами, ведущими себя как «влюбленная горничная» (107), готовыми на примитивные решения и изгоняющими собственную интеллектуальную элиту. Югославия «внешняя» трагически распадается, Югославия «внутренняя» – остается в сознании, которое никогда не примет новых границ. Великич еще не ностальгирует по утраченному единству, но осознает, что общее пространство начинает превращаться в один из палимпсестов, которые остались в детских воспоминаниях из Пулы.

Источники и литература

Злыднева Н. В. Вброд через реку перемен: категория *границы* в романе Дубравки Угрешич // Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 363–382. DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.4.04.

Поляков Д. К. Центральная Европа как миф и модель в текстах Чеслава Милоша, Милана Кундеры и Данило Киша // Славяноведение. 2023. № 4. С. 91–108. DOI: 10.31857/S0869544X0027118-2.

Старикова Н. Н. Фантомная боль «ампутированной» страны – югославское социокультурное пространство в произведениях современных словенских авторов // Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 353–366. DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.3.05.

Цивьян Т. В. Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М.: Индрик, 1999. 376 с.

Шерлаимова С. А. Милан Кундера и его романная философия. М.: Индрик, 2014. 272 с.

Bošković A. Yugonostalgia and Yugoslav Cultural Memory: Lexicon of Yu Mythology // Slavic Review. 2013. No 1. P. 54–78.

Children of Atlantis: Voices from the Former Yugoslavia / ed. by Z. Lesic. Oxford: Central European University Press, 1995. 184 p.

Debeljak A. Balkanska brv: eseji o književnosti jugoslovsanske Atlantide. Ljubljana: Študentska založba, 2010. 271 s.

Kundera M. Únos Západu // 150 000 slov: Texty odjinud. 1985. Č. 10. S. 112–119.

Matvejević P. Jugoslovenstvo danas. Pitanja kulture. Zagreb: Globus, 1982. 244 s.; Beograd: BIGZ, 1984. 286 s.

Ognjenović V. Dragan Velikić: Đavo sujete vreba na svakom koraku // Vijesti. 2013. 12.01. URL: <https://www.vijesti.me/zabava/291536/>

dragan-velikic-davo-sujete-vreba-na-svacom-koraku (дата обращения: 10.05.2024).

Pogovor z Draganom Velikićem / pogovarjal se je N. Grafenauer // *Nova revija*: mesečnik za kulturo. 1993. Št. 138. S. 1200–1207.

Rosić T. Koncept Srednje Evrope u savremenom srpskom romanu i politika novih kulturnih identiteta // *Слика другог у балканским и средњоевропским књижевностима* / ур. М. Матицки. Београд: Институт за књижевност и уметност, 2006. С. 375–389.

Ślawska M. Proza autobiograficzna pokolenia jugonostalgików. Wrocław: Oficyna Wydawnicza ATUT, 2013. 270 s.

Ugresic D. Have a Nice Day: From the Balkan War to the American Dream / translated by C. Hawkesworth. London: Jonathan Cape, 1994. 241 p.

Velikic D. Youtlantide / traduit par M. Robin. Rennes: Ubacs, 1992. 95 p.

Velikić D. Glas iz razpoke / prevedel B. A. Novak. Celovec: Wieser Verlag, 1992. 40 s.

Velikić D. Granica, identitet, literatura // *Sarajevske sveske*. 2003. Br. 3. S. 65–73.

Velikić D. O piscima i gradovima. Novi Sad: Akademska knjiga, 2010. 173 s.

Velikić D. Stimme aus der Erdspalte / aus dem serbischen von K. D. Olof. Klagenfurt; Salzburg: Wieser Verlag, 1992. 72 S.

Velikić D. Yu-tlantida. Beograd: Clío, 1993. 111 s.

Velikonja M. ROCK'N'RETRO. Novi jugoslavizam u savremenoj slovenačkoj popularnoj muzici // *Nebeska Jugoslavija*. Interakcije političkih mitologija i pop-kulture / ur. V. Perica, M. Velikonja. Beograd: Biblioteka XX vek, 2012. S. 67–171.

Zorić V. Discordia Concors: Central Europe in Post-Yugoslav Discourses // *After Yugoslavia. The Cultural Spaces of a Vanished Land* / ed. by R. Gorup. Stanford: Stanford University Press, 2013. P. 88–111.

References

Bošković, A. “Yugonostalgia and Yugoslav Cultural Memory: Lexicon of Yu Mythology.” *Slavic Review*, 2013, No. 1, pp. 54–78.

Children of Atlantis: Voices from the Former Yugoslavia, ed. by Z. Lesic. Oxford: Central European University Press, 1995, 184 p.

Debeljak, A. *Balkanska brv: eseji o književnosti jugoslovenske Atlantide*. Ljubljana: Študentska založba, 2010, 271 p.

Kundera, M. “Únos Západu.” *150 000 slov: Texty odjinud*, 1985, No. 10, pp. 112–119.

Matvejević, P. *Jugoslavenstvo danas. Pitanja kulture*. Zagreb: Globus, 1982. 244 p.; Beograd: BIGZ, 1984, 286 p.

Ognjenović, V. “Dragan Velikić: Đavo sujete vreba na svakom koraku.” *Vijesti*. 12 Jan 2013. URL: <https://www.vijesti.me/zabava/291536/dragan-velikic-davo-sujete-vreba-na-svakom-koraku> (accessed: 10.05.2024).

“Pogovor z Draganom Velikićem. Pogovarjal se je Niko Grafenauer.” *Nova revija: mesečnik za kulturo*, 1993, No. 138, pp. 1200–1207.

Poliakov, D. K. “Tsentral'naia Evropa kak mif i model' v tekstakh Cheslava Milosha, Milana Kundery i Danilo Kisha.” *Slavianovedenie*, 2023, No. 4, pp. 91–108. DOI: 10.31857/S0869544X0027118-2.

Rosić, T. “Koncept Srednje Evrope u savremenom srpskom romanu i politika novih kulturnih identiteta.” Maticki, M. (ed.). *Slika drugog u balkanskim i srednjoevropskim književnostima*. Beograd: Institut za književnost i umetnost, 2006, pp. 375–389.

Sherlaimova, S. A. *Milan Kundera i jego romannaia filosofija*. Moscow: Indrik, 2014, 272 p.

Starikova, N. N. “Fantomnaia bol' “amputirovannoi” strany – iugoslavskoe sotsiokul'turnoje prostranstvo v proizvedeniiakh sovremennykh slovenskikh avtorov.” *Slavianskii al'manakh*, 2018, No. 1–2, pp. 353–366. DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.3.05.

Ślawska, M. *Proza autobiograficzna pokolenia jugonostalgików*. Wrocław: Oficyna Wydawnicza ATUT, 2013, 270 p.

Tsiv'ian, T. V. *Dvizhenije i put' v balkanskoj modeli mira. Issledovaniia po strukture teksta*. Moscow: Indrik, 1999, 376 p.

Ugresic, D. *Have a Nice Day: From the Balkan War to the American Dream*, translated by C. Hawkesworth. London: Jonathan Cape, 1994, 241 p.

Velikic, D. *Youtlantide*. Translated by M. Robin. Rennes: Ubacs, 1992, 95 p.

Velikić, D. *Glas iz razpoke*. Translated by B. A. Novak. Celovec: Wieser Verlag, 1992, 40 p.

Velikić, D. “Granica, identitet, literatura.” *Sarajevske sveske*, 2003, No. 3, pp. 65–73.

Velikić, D. *O piscima i gradovima*. Novi Sad: Akademska knjiga, 2010, 173 p.

Velikić, D. *Stimme aus der Erdspalte*, translated by K. D. Olof. Klagenfurt; Salzburg: Wieser Verlag, 1992, 72 p.

Velikić, D. *Yu-tlantida*. Beograd: Clio, 1993, 111 p.

Velikonja, M. “ROCK’N’RETRO. Novi jugoslavizam u savremenoj slovenačkoj popularnoj muzici.” Perica, V., Velikonja, M. (eds.). *Nebeska Jugoslavija. Interakcije političkih mitologija i pop-kulture*. Beograd: Biblioteka XX vek, 2012, pp. 67–171.

Zlydneva, N. V. “Vbrod cherez reku peremen: kategoriia granitsy v romane Dubravki Ugreshich.” *Slavianskii al'manakh*, 2020, No. 3–4, pp. 363–382. DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.4.04.

Zorić, V. “Discordia Concors: Central Europe in Post-Yugoslav Discourses.” Gorup, R. (ed.). *After Yugoslavia. The Cultural Spaces of a Vanished Land*. Stanford: Stanford University Press, 2013, pp. 88–111.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.14

D. K. Polyakov

**“Yugoslav Atlantis” in the Balkan and Central European Optics
of Dragan Velikić**

Dmitry K. Polyakov

Candidate of Letters, research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: vbz2005@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5220-2841

Citation

Polyakov D. K. “Yugoslav Atlantis” in the Balkan and Central European Optics of Dragan Velikić // Slavic Almanac. 2024. No 3–4. P. 266–283 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.14

Acknowledgements

Work was supported by a grant from the Russian Science Foundation No 22-18-00365, <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>.

Received: 11.06.2024.

Revised: 18.06.2024.

Accepted: 24.09.2024.

Abstract

The article offers an analysis of Serbian writer Dragan Velikić’s book of essays “*Yu-tlantis*” (1993), which records the disintegration of Yugoslavia and the gradual cessation of the all-Yugoslav cultural space. Criticizing Serbian and Croatian nationalists, Velikić consistently rejects the polarization of the space and declares the non-functionality of many established oppositions (Serbian / Croatian, Byzantium / Rome, Bolshevism / Fascism) in relation to it. Velikić in his book refers to the images of the bridge and the path, key to the Balkan model of the world. Two bridges are contrasted – on the Drina (I. Andrić) and on the Neretva (the destruction of this bridge

by Tito's army in 1943 was one of the key events of the communist myth). Velikić applies to Yugoslavia the communicative means and motifs characteristic of the well-known discourse on Central Europe (M. Kundera, Cz. Miłosz, D. Kiš, etc.), continuing and developing it. According to Velikić, the main value of Yugoslavia lies in the joint cultural creativity of its peoples. The participants in the discussions about Central Europe in the 1980s saw the axiological significance of Central Europe in the same way.

Keywords

Yugoslavia, post-Yugoslav discourse, discourse about Central Europe, Balkans, Dragan Velikić.